

Охота на Вицину началась почти два месяца назад. Это был изнурительный, жесткий и опасный поединок. Я вылавливал его в арбатских переулках, сторожил возле Дома киноактера на Поварской, расспрашивал о нем коллег-журналистов. Я тратил время на звонки по телефону 241... (поклонники и поклонницы, не хватайтесь за авторучки, добытое потом и кровью не выдам), на многочасовые ласково-увещательные-наступательные переговоры с его женой Тamarой Федоровной, которая Брестской крепостью заслоняла тело родного и единственного от наседающей армии ненасытных борзописцев. Я израсходовал весь свой гипотетический гонорар за интервью с актером, приобретая в метро абонементные карты, рассчитанные только на 50 минут. Я чуть было не простудился на морозе, который предсказал Гидрометцентр. Но я ему не поверил, не надел валенки, не взял зонтика и схватил коклюш под знаменитым снего-дождем 12 апреля, который Гидрометцентр не угадал. Неприступную вицинскую твердыню я пытался брать модными нынче взятками в виде шампанского супруге, собраний сочинений любимых Вициным философов, подписки на газету "Мир новостей", заметки о талантливой художнице - дочери Георгия Михайловича, в "Правде" или "Вашингтон-пост", мешка овса для кормления Георгием Михайловичем прирученной им живности. Одним словом, я перенес все муки и страдания, но не смог одолеть профессионального тишеславия, чтобы не выбить у Вицины интервью и не утереть нос другим репортерам.

Все дело в том, что известный актер театра и кино почти никогда и почти никому не давал интервью. Это даже зафиксировано в какой-то газете. Копаясь в театральной библиотеке, сам видел заголовок "Актер, не дающий интервью". Почему? Не знаю. Просто Вицин на самом деле не такой, каким мы видим его на экране. Он не любит болтать лишнего, не любит откровенничать, выворачивать душу. Философичен, скромнен, даже застенчив. А в последние годы его просто пытались обманывать и печатали не то, что говорил актер. Одним словом, это интервью едва ли не единственное с Георгием Вициным за многие, многие годы.

А получилось оно банально просто. Когда я уже совсем устал от охоты и решил махнуть на капризного родного любимца рукой, с помощью нашего фотокорреспондента Ларисы Кудрявцевой мы вызвали его на улицу из-под опеки жены и уговорили "отдаться" нам хотя бы на снимок. Вицин согласился. Местом съемки назначили сквер на Новоарбатском проспекте, напротив подземного перехода. Здесь прижилась стая голубей, и Георгий Михайлович, любитель покормить пернатых, иногда устраивает им пиришества. На этот раз в его кармане был пакет пшена, а у меня, как понимаете, что? Ну конечно же, миниатюрный магнитофон, специально для этой цели одолженный в местном отделении ФСБ. Считаю, что беседа удалась, и перед вами стенографический ее отчет - свидетельство одной из самых харизматических личностей второй половины XX века, ярчайшего актера, народного кумира, позади у которого большая насыщенная жизнь...

- А моей голубки-то главной, хромой, нету... (С долей печали.) Куда делась?

- Вы их различаете?

- А как же? Несчастная моя голубка с одной лапой, на другой только два пальца. Красавица, единственная женственная голубка, она всегда с ухажером. Но в последнее время что-то не видно. Беспокоюсь...

- Ничего, подождем, может, прилетит. Георгий Михайлович, я слышал, что вы не можете жить без животных, без птиц...

- ...и без тараканов... А как же? Братья наши меньшие. Умные, хитрые. Самая умная птица - ворона. А животные обладают чувством юмора?

- Вот ворона-то и обладает. Как дразнит она собак, как играет ими! Подходит к ним, начинает дразниться. Собака поворачивается, чтобы куснуть задиру, а та в сторону, догони. И так несколько раз. Собака

плюнет и думает: не буду с ней, с черной, связываться, надоела.

- Скажите, а чувствует ли юмор пятилетний ребенок? Вообще, когда юмор приходит к человеку?

- Чувство юмора появляется тогда, когда человек осматрелся в жизни и понял, где и над чем можно смеяться. И нужно ли смеяться.

ного, и режиссерски себя сформировать - это удача. Как же ему удалось увидеть себя в образе маленького несчастливчика человека и влезть с этой маской в душу к людям?!

- Ваша жена понимает вас, ценит юмор?

- Юмор она понимает нормально, то есть меня терпит... Собак

АЛКАШЕЙ Я ИГРАЛ ТРЕЗВЫМ

Я вот только к восьмидесяти годам и понял все смешное. И теперь умру с этим понятием. Смех - это великое... Это тот же нитроглицерин... Вот собаки, они, как лекарство: они лечат, спасают людей, укрепляют нервную систему. После восьмидесяти всем надо иметь собаку. Она спасает вас, поможет с режимом дня лучше всяких докторов. Она даже спасает от...самобуйства. Да, да, юмор спасает от самоубийства. И животные.

- В вашей актерской среде в последнее время было несколько суицидов, вы знаете об этом. Видимо, у решившихся не было животных или не доставало чувства юмора. К великому сожалению.

- Это сильные люди. Маяковский тоже был сильным. И Хемингуэй...А моей голубки все нет и нет. Видно, села на яйца. А может, и заболела, нахохлилась под карнизом.

- Георгий Михайлович, кого вы считаете себе ровней в вашем гротесковом амплуа? Луи де Фюнеса, а может, самого Чаплина?

- Ну это уж слишком... Считаю, что козырной конек Чаплина - режиссерство. По актерской заразительности можно найти и похлеще Чаплина. Но найти свою маску... он долго ее искал, много было неудач-

ных терпит, ей приходится и за ними ухаживать.

- А дочь?

- Да, юмор ей близок, она могла бы и писать, но стала художником. Хорошим портретистом. Сама не отдаст себе отчета, насколько она сильна в портрете.

- Скажите, вы всех смешных персонажей сыграли в жизни или и сейчас могли бы трянуть стариной? Выдать бенефис, премьеру.

- Да я и не хотел особенно-то никого играть. И всегда смешил только самого себя. Понимаете, себя? А так, чтобы чего-то там намечать, играть... Нет. А вот рассмешить себя - и другим рикошетом перепадает.

- В нашей нынешней жизни больше смешного или трагического?

(Задумывается.)

- Сейчас много глуповатого. Недомогания много, бескультурья. Красота спасет мир, а глупость его погубит.

- Вы добавили?

- Я, немного к Достоевскому. Да, именно глупость погубит мир.

- И долго мы будем глупы, как вы считаете?

- А мы же не чувствуем природы, не чувствуем погоды. Вот и делаем глупости. Надо учиться у животных, иначе погибнем.

- Вы считаете, что цивилизация погубит человечество?

- Это уже на мази.

- Что, апокалипсис?

- Апокалипсис - закон природы, он долж-о-н быть! Его и выдумывать не надо. Взгляните на небо - одна планета погасла, другая возгорается.

- Сегодня Вербное воскресенье, впереди Пасха. Каковы ваши отношения с Богом?

- Бог всегда при мне. Правда, в смысле ритуалов я толстоств. Я понимаю, что это театр, и понимаю, что это необходимо. Особенно простым людям, которые не могут о Боге всегда думать. Вот и построили церковь, храм, напугали людей всякими побрякушками, золотом, облицовкой... Лужков это хорошо понимает.

- Вы имеете в виду новодель храма Христа Спасителя?

- Так я еще помню и оригинал. И как ломали его помню. Мальчишкой бегал по широкому лестничку. Теперь-то, конечно, с трудом, но могу и поподниматься вверх к храму.

- Здесь, на Арбате, в центре Москвы, вы жили много лет.

- Вот такое любопытство: всегда жил в переулках с двойным названием - Кривоколенный, Спасо-на-ливковский, Старокопосенный... Как так?

- Так на ваших глазах и Гоголя перенесли с бульвара?

- Этот прекрасный памятник надо вернуть на место. В советские времена ведь тоже глупые люди были, не только сейчас, они тоже умели и ломать, и рушить.

- А каким было ваше настроение, когда рушили Старый Арбат?

- ...чтобы возвести эту вставную челюсть Москвы. Какие замечательные были дворы, переулки, особнячки, Шалыпинский, Фонвизинский, Собачья площадка. Все уничтожили, чтобы эту вот дорожку к Кремлю проложить. У каждой эпохи свои мании.

- А колбасу-то по 2.20 помните, Георгий Михайлович? Здесь, в гастрономе, давали, в очереди небось тоже проставали?

- Колбасу-то ладно. Я помню еще послевоенную лососину, которую

я, студент, покупал на свою стипендию. Этак граммов по двести - хотелось вкусненького. Кадки помню с икрой. Точнее с икрами, икра-то разная тогда была, и я различал ее разновидности. Мелкая севрюжка, совсем дешевая, а покрупнее белужья... Все цвета помню. А нынче-то одна черная, да и то не поймешь, может, из нефти вся... Про ту, настоящую, икру и не вспоминают нынче. Невыгодно вспоминать. Даже Зюганов не вспоминает. А впрочем, он молод тогда был, мальчишка.

- Раз уж мы, Георгий Михайлович, о закуске заговорили, не могу не спросить: нынче пропускате иногда по ромашечке? Коеньчок? Водочку?

- Так, глоточек, два наперстка. Предпочитаю водку.

- А самогончик? В ваши-то давние года нельзя было употреблять, преследовалось...

- Ну почему? Я даже на Украине знаю хорошие самогонные точки.

- Под Миргородом? На родине Николая Васильевича?

- Точно. Как-то мы там снимались в фильме и прознали про одну старушку, мастерицу изготовления. Ходил и я, пробовал. И голова утром не болела.

- А скажите, когда вы играете алкашей, вы для натуральности принимаете? С настоящей-то, наверное, легче войти в образ?

- Нет, это не помогает. Что вы! Наоборот. Сам испытывал. Играл как-то пьящего человека в Кремлевской больнице. Ну накрыли стол, "Польская", угощение. Я хочу отбрыкаться, спектакль, говорю. "А кого играете", - спрашивают. "Алкоголика", - отвечаю. Вот и прицепились ко мне: "Выпей, да выпей". Поддался и что же - сыграл не так, как у Островского, хуже. С тех пор понял: играя пьяного, в рот не бери.

А если честно, я ведь малоупотребляющий. Тяги нет. И особенно-

то не было. Вот, наверное, удивитесь, и некурящий я. Как-то в детстве попробовал, затянулся, плохо стало, и с шести лет, не завязывая, завязал. Не курил, не пил. Вот и дожил до 80. Хотя и сорта водки различаю хорошо, и запахи табака.

- Не поверю, что и в день рождения не поднимите рюмку. Кстати, как юбилей-то справлять будете?

- Никак. Моя задача - спрятаться от всех. От суеты, от шума. И кто это только придумал - юбилей?! Мещанство ненужное. Чехов над этим смеялся. А он-то понимал в жизни, в юморе.

Все время, пока я всеми способами задерживал пытающегося улизнуть Вицину, он, точно пахарь-сеятель, разбрасывал по Новоарбатскому скверу пшено и просо. Тьма голубей кружила возле нас и не садилась на кормильца лишь по той причине, что, по-видимому, мы с фотокором и нашим коллегой, Леной Штерном, пугали глуп... простите, Вицин обидится, умную птицу. Прохожие то шаркались от нас, то, наоборот, узнавая знакомую физиономию, подглядывали за действиями народного артиста, который все выискивал в стае любимую голубку.

Тут-то и возник уместный вопрос: - Георгий Михайлович, популярность-то свою ощущаете?

- Нет, не ощущаю. И не хочу ощущать. Я всегда хотел, чтобы меня оставили в покое, чтобы я не привлекал внимания других к себе. Чего мозолить глаза народу?! всю жизнь стараюсь маскироваться и прожить незаметно. Хотите мой афоризм: прожить надо незаметно. То есть уметь прожить. Ну не в том, конечно, смысле, что бояться людей, всего, но каждый должен заниматься любимым делом и мешать ему в этом не следует. Поэтому повторяю: директором быть не хочу. И другим не советую.

- Но ваше амплуа характерного актера всегда вызывало интерес публики, вы всегда были на виду. А ведь в иные годы это было еще и опасным.

- Вы правы, но политической сатирой я не занимался. Мое амплуа - простой человеческий юмор, который в людях всегда живет и будет жить. А понимание сатиры в смысле кого-то там шпынять, задирать меняется с эпохой. Будет новая перестройка - и появятся новые жванецкие, задорновы... Все это временно. Ведь мы, актеры, как и вы, журналисты, как и гулящие девушки, которые, как раз я слышал, тут рядом собираются, все мы проститутки. Профессия у нас такая. А у вас, журналистов, особенно...

Нисколько не обидевшись (еще бы, дело надо было доводить до конца), я продолжал свой натиск:

- Как вы относитесь к телевизионным "Куклам"?

- Телевизор смотрю мало. А "Куклы" считаю бестактным фарсом. Чего над людьми издеваться? Их и так шпыняют. А тут морды соорудили.

- Вам жалко всех их: и Е., и Ч., и Н.?

- Да, по-человечески жалко. Ну такие-сякие, ну плохие, а зачем вот так всенародно искажать их морды лица? Неинтеллигентно, бестактно...

- Ощущаете, что жизнь торопится, что годы летят и летят?

- Ощущаю... Но юмор спасает. Все вижу: кто летит и куда летит. Да и профессия у меня такая - все видеть, надо всем смеяться. И это мое спасение, мое лекарство. И еще: от годов, от старости, от жизни меня спасает то, что я делаю на сцене. От этой жизни меня спасает сцена, театр, занавес.

И тут, точно в какой-то мелодраме или, наоборот, в шекспировском акте, мой собеседник восторженно, ожив и на перехвате дыхания запричитал:

- Вот она прилетела, моя любимая, моя самая красивая женщина... Посмотрите, белая с кулышкой и двумя пальцами... Какое замечательное у нее лицо, какие глаза, какое изысканное туловище... Она меня знает и уделает мне знаки внимания... Еще раз посмотрите на ее глаза. В них-то, наверное, и ее ухажер не наглядится...

И Вицин швырнул белой голубке щедрую пригоршню.

Феликс Медведев, фото Ларисы Кудрявцевой